

Цинь Лу чувствовала себя не в своей тарелке.

Мужчина поднял правую руку и нанес мазок на спину Сюй Тяньцзяо.

Оказалось, он просто рисовал у неё на спине.

Цинь Лу невольно выдохнула, но тут же снова напряглась. На белоснежной, изящной коже мужчины несколькими штрихами наметил контуры, и вскоре проступили белые с розовым лепестки, нежно-желтые тычинки, расправившиеся зеленые листья, сизо-черный стебель...

Эта картина с цветущим лотосом, благодаря удачно выбранному холсту, выглядела как бесценное произведение древнего искусства. Сердце Цинь Лу подскочило к самому горлу; казалось, стоит ей вздохнуть чуть громче — и эта красота исчезнет.

Когда работа была завершена и в тихой комнате послышался легкий вздох Сюй Тяньцзяо, Цинь Лу наконец размяла затекшие ноги и собралась уходить.

Но стоило ей подняться, как донеслось ленивое распоряжение:

— Принеси виноград.

Сердце Цинь Лу пропустило удар. Стыд и страх боролись в душе, но лицо осталось бесстрастным. Она невозмутимо взяла поднос и поднесла его к Сюй Тяньцзяо.

Та прищурилась и чуть приоткрыла алые губы.

Цинь Лу смирилась и вложила ей в рот виноградину.

Ягоды были промыты ледяной водой — в резиденции принцессы был ледник, и в воду добавляли лед, так что виноград отдавал приятной прохладой и сладостью ключевой воды. Сюй Тяньцзяо раскусила его и блаженно хмыкнула.

У Цинь Лу дрогнула рука, поднос едва не выскользнул. Она краем глаза заметила, что рисующий мужчина пристально смотрит на них. Однако смотрел он не на неё, а на профиль Сюй Тяньцзяо и её тонкую белую шею. Руки мастера оставались неподвижны, но глаза налились кровью, в них полыхало жгучее вожделение.

Мужчина был красив — Цинь Лу не могла подобрать слов, но он был явно привлекательнее нынешних популярных смазливых актеров. Однако Цинь Лу с детства любила женщин, поэтому не могла оценить его мужскую «красоту». А видя, как перекошено сейчас его лицо, она и вовсе испытала отвращение.

Она перевела взгляд на лицо Сюй Тяньцзяо. Та полужакрыла глаза, длинные ресницы подрагивали, вид был крайне довольный. После того звука, что она издала, даже у самой Цинь Лу промелькнули странные мысли, что уж говорить о настоящем мужчине.

Она опустила голову, но заметила, что Сюй Тяньцзяо смотрит на неё, надув губки.

Если бы не скрытое в её глазах нетерпение, Цинь Лу решила бы, что та просит поцелуя. Но оказалось... от неё требовали принять виноградную кожицу!

Цинь Лу и в страшном сне не могла представить, что когда-нибудь опустится до такого — без достоинства, без моральных принципов прислуживать другой женщине!

Она протянула руку и приняла кожицу.

Вязкая, влажная от слюны кожица неприятно легла в ладонь. Цинь Лу мечтала швырнуть её обратно в лицо Сюй Тяньцзяо, но не посмела. Она даже не могла показать брезгливости. Опустив глаза, она быстро и аккуратно положила кожицу на край фарфорового блюда и потянулась за новой виноградиной.

Сюй Тяньцзяо не открыла рта, лишь сухо бросила:

— Помой руки.

Цинь Лу: — ...

Черт!

Я не брезгую твоей слюнявой кожей, а ты еще и нос воротишь от моих рук!

Она молча отступила на два шага, поставила блюдо на стол и поспешно вышла. Увидев в главном зале служанку, которая до этого торопила её, она прямо сказала:

— Принцесса велела тебе войти и подать ей виноград.

Служанка удивленно спросила:

— Правда?

— Правда, — ответила Цинь Лу.

Служанка благодарно улыбнулась и легкой походкой вошла внутрь.

Когда Сюй Тяньцзяо снова открыла глаза, перед ней была уже другая служанка. Это была горничная второго ранга, действовала она куда увереннее: держала серебряную ложечку, чистую пиалу, подносила виноград к губам принцессы, а когда та заканчивала, тут же подставляла посуду.

Сюй Тяньцзяо невольно задержала на ней взгляд.

Лицо знакомое, но слуг в резиденции слишком много, имен не упомнить. А та, предыдущая... Сюй Тяньцзяо задумалась. Оказалось, она даже не запомнила её лица — типичная низшая рабыня. Та, кажется, даже головы не поднимала?

Ни разу не взглянула на госпожу, неудивительно, что не умеет прислуживать.

Сюй Тяньцзяо слабо улыбнулась, съела еще виноградину и пробормотала:

— Мандарин.

— Слушаюсь, принцесса, — ответила служанка, приняла кожицу, поставила виноград на стол и тут же принесла очищенный мандарин. Золотыми палочками она отделила дольку и поднесла к губам принцессы.

Сюй Тяньцзяо откусила, прожевала и спросила:

— Хорошо справляешься. Как тебя зовут?

Служанка, сдерживая волнение, ответила:

— Рабыня Мо Лань.

Сюй Тяньцзяо кивнула:

— Позже найди Ланьинь, отныне будешь работать под её началом.

Мо Лань опустилась на колени, голос её дрожал:

— Слушаюсь, принцесса.

— Ступай, — сказала Сюй Тяньцзяо, а затем обратилась к Ли Фухаю: — И вы тоже выходите!

— Слушаемся, — ответили Ли Фухай и Мо Лань и удалились.

Мужчина, рисовавший для Сюй Тяньцзяо, медленно собирал свои принадлежности. Принцесса не обращала на него внимания, закрыв глаза, чтобы немного отдохнуть. Однако от его жаркого взгляда ей стало не по себе. Она повернула голову и, не открывая глаз, спросила:

— Красиво?

— Красиво, — ответил мужчина, закрывая ящик с красками, не сводя с неё глаз.

Сюй Тяньцзяо холодно хмыкнула, открыла глаза и посмотрела на него:

— Насколько красиво?

Мужчина слабо улыбнулся:

— Вы — первая красавица династии Дасюй.

Выйдя из зала, Цинь Лу не пошла туда, где прятала ту неудачливую служанку. Удар был несильным, та наверняка уже пришла в себя и могла сидеть в засаде.

Она быстро прошла по коридору и нырнула в густую рощу. Там она переделалась обратно в форму стражника, привела в порядок волосы. А вот одежду служанки девать было некуда, поэтому, немного поколебавшись, она сложила её квадратом и запихнула за пазуху под куртку.

Форма стражника была свободной, так что сверток не выделялся. Оглядев себя, она убедилась, что всё в порядке, и вышла из рощи, направляясь к воротам двора.

— Художник, вы уже уходите? — раздался у поворота голос евнуха Ли Фухая.

Цинь Лу замерла, не решаясь идти дальше. В комнате они оба видели её, и если она сейчас появится в другом обличье, могут возникнуть вопросы.

— Да, — ответил художник низким голосом.

— Я... — Ли Фухай замялся, но тут же добавил: — Я провожу вас.

— Не стоит, благодарю вас за любезность, господин Ли.

— Что вы, не стоит... — Ли Фухай не успел договорить. Шаги художника удалялись, пока не стихли совсем. Цинь Лу сделала пару шагов вперед и увидела, что Ли Фухай вытирает пот со лба.

Похоже, этот художник на особом счету у Сюй Тяньцзяо, раз даже её верный евнух так перед ним заискивает. Но это также означало, что после того, как она ушла, принцесса и художник не успели ничего сделать. За десять минут даже при желании ничего серьезного не провернешь.

Дождавшись, пока Ли Фухай уйдет, Цинь Лу спокойно направилась дальше.

Её тело было в полном порядке, и теперь, став стражником, она не могла больше ходить на кухню для слуг. Девушка Цинь Лу говорила, что обычно ела вместе с Мэй-ши и Цинь Цинь, но Цинь Лу не любила Мэй-ши и не хотела к ним присоединяться.

Она как раз размышляла о том, чтобы умыться и попросить девушку Цинь Лу показать, где едят стражники, как почувствовала запах еды.

Обернувшись, она увидела Цинь Цинь с корзинкой.

Цинь Цинь вошла в комнату, поставила корзинку на стол и улыбнулась:

— Я рассчитала, что ты скоро вернешься. Иди ешь, сегодня твоя любимая рыба с имбирным соусом.

Цинь Лу умылась и села за стол. Еды было на двоих, Цинь Цинь уже расставила тарелки.

Цинь Лу взяла палочки и спросила:

— Почему ты решила принести мне обед? Я как раз собиралась идти к стражникам.

— Я видела, что ты не хочешь есть с матушкой, вот и пришла. Разве то, что едят стражники, сравнится с домашней едой? Попробуй, я сама готовила. — Цинь Цинь положила ей кусочек рыбы.

Сестринская близость — это нормально.

Но в прошлой жизни Цинь Лу прошла путь от полицейской академии до спецотряда, работала бок о бок с мужиками, и даже те, кто проявлял к ней интерес, не осмеливались так заботливо класть ей еду в тарелку. А единственная родственница, Цинь Мэньяо, за столом думала только о себе.

Цинь Лу чувствовала неловкость, но, увидев сияющую улыбку на лице Цинь Цинь, которая так напоминала её собственное, не смогла отказаться.

Рыба была нежной, с легким ароматом имбиря. Цинь Лу не была гурманом, но вынуждена была признать: это блюдо не уступало тому, что готовили на кухне Сюй Тяньцзяо.

— Вкусно? — с надеждой спросила Цинь Цинь, подкладывая еще кусочек. — Ты не представляешь, как ты вчера напугала отца и мать своим гневом! Сегодня они оба не осмелились прийти. А еще наложница Хун... Вчера вечером отец с ней поссорился и даже ударил её!

Глаза Цинь Цинь блестели. Видимо, наложница Хун немало отравляла ей жизнь, и теперь, видя, как та получила по заслугам, она была в восторге.

Цинь Лу слушала, внимая каждому слову.

— Матушка говорит, наложница Хун пришла к нам в дом в тринадцать лет. Еще детей не было, а она уже пользовалась милостью отца и шла против матушки. Я не помню, что было раньше, но с тех пор, как стала себя осознавать, постоянно слышала их ссоры. А когда родился Куй-гэ, отец стал так его баловать, что она совсем распоясалась!

Вспомнив, как Мэй-ши всю ночь ликовала, Цинь Цинь рассмеялась:

— Матушка говорит, за все годы, что Хун в нашем доме, отец впервые поднял на неё руку! Она была так счастлива, что не сомкнула глаз, а сегодня днем долго отсыпалась.

Законная жена и наложница... Конфликты из-за мужчины должны решаться с мужчиной, зачем же женщинам враждовать друг с другом?

Цинь Лу посмотрела на оживленное лицо сестры и отложила палочки:

— Младшая сестра, если ты выйдешь замуж и окажешься в положении матушки, что ты будешь делать?

Цинь Цинь замерла. Перед глазами всплыла судьба Мэй-ши.

Вышла замуж, долго не могла забеременеть, терпела упреки мужа и свекрови, наконец родила — но девочку... А потом муж завел одну наложницу, вторую, третью. Они рожали детей и боролись за его любовь.

Что ей делать?

Она вспомнила старшую сестру Цинь Я: за четыре года родила троих детей, и все — девочки. Жизнь её тяжела, дочерям тоже несладко, говорят, муж уже поглядывает на сторону...

А матушка хочет выдать её за кузена Юнь Жуя из дома деда. Но она уже была там и видела, как сально тот смотрел на служанок. Что её ждет, если она выйдет за него?

Цинь Цинь нахмурилась, нос сморщился, и потекли слезы:

— Старший брат, я... я не знаю, что делать...

В современном мире женщины еще могли выбирать, терпеть или уйти, а в древности? Без сильной поддержки семьи, даже если в доме мужа тебя обижают, приходится терпеть.

А развод? Разве это легко?

Общаясь с Сюй Тяньцзяо и видя порядки в её окружении, Цинь Лу всё яснее понимала неравенство этой эпохи. И дело не только в мужчинах и женщинах, а в статусе. Сюй Тяньцзяо — принцесса, она выше всех по рождению. А она сама? Дочь управляющего закупками, рабыня по определению. Даже став стражником, она всё равно остается ниже других.

Если она хочет свободы и спокойствия, она не может оставаться просто мелким стражником. К тому же, она дала слово девушке Цинь Лу, что поможет заботиться о сестрах.

Цинь Лу похлопала сестру по руке:

— Не плачь. Не бойся, я не позволю выдать тебя за Мэй Юнь Жуя. Я прослежу за твоим браком. Когда выйдешь замуж, если не будешь допускать ошибок и начнешь жить достойно, пока я рядом, я не дам тебе повторить судьбу матушки. Брат защитит тебя.

Цинь Цинь всхлипнула и уткнулась Цинь Лу в плечо:

— Брат, старший брат... у-у-у...

Цинь Лу было больно, но она не отстранилась. Чувство, что ты кому-то нужен, было приятным. Она ощутила важность своей роли старшего брата.

В последующие дни Цинь Лу сблизилась с Чэнь Жанем. Она узнала, что он не помолвлен, а его матушка — добрейшей души человек. Хотя это еще предстояло проверить, но как кандидат в мужья сестре он её устраивал.

Она лично обучала Чэнь Жаня приемам борьбы, захватам и даже тхэквондо. Сама тоже тренировалась в стрельбе из лука, и теперь на утренних занятиях Цинь Лу легко выпускала пять стрел, каждая из которых попадала точно в яблочко.

Шэн Цин был доволен ими обоими, поэтому, когда Сюй Тяньцзяо понадобилось отправить людей в Хуайнань, он порекомендовал именно их.

После того, как художник разрисовал спину Сюй Тяньцзяо, она чувствовала тревогу. С тех пор она не только не вызывала Цинь Лу, но и вовсе не покидала резиденцию.

День назад она получила письмо от вана Хуайнани, Сюй Тяньхэ.

Он, не желая волновать сестру, писал, что всё хорошо, описывал дела легко и непринужденно. Но от стражника, доставившего письмо, Сюй Тяньцзяо получила еще одну записку.

Собственно, это была даже не записка, а клочок бумаги от старой няньки, которую она давно отправила в Хуайнань присматривать за братом.

На бумаге было всего два слова: Одурманен, Помощь.

Сюй Тяньцзяо не могла даже выйти за ворота столицы, не то что отправиться в Хуайнань. Она не могла поехать сама, но верила: нянька не стала бы писать такое, если бы с братом не случилось беды.

Одурманен — чем? Очарован, обманут или лишен чувств?

Помощь — значит, он просит о спасении.

Хотя стражники были её доверенными лицами, за ними мог следить император Сяньцзун. Брат не осмелился написать открыто, нянька тоже, поэтому пришлось ограничиться лишь этим.

Она обязана послать кого-то, кому доверяет.

Она не ожидала, что Шэн Цин порекомендует Цинь Лу.

Человек, чьего истинного происхождения и намерений она не знала, не вызывал у неё доверия. Тем более, за двадцать дней даже такой старый лис, как Шэн Цин, проникся к ней симпатией.

Это доказывало, что Цинь Лу не так проста.

Цинь Лу и Чэнь Жань предстали перед принцессой в главном зале.

Шэн Цин, склонив голову, доложил:

— Принцесса, Фума, люди доставлены.

— Принцесса, Фума, — Цинь Лу и Чэнь Жань поклонились.

Сюй Тяньцзяо внимательно разглядывала Цинь Лу. На той была строгая темно-синяя форма, волосы заколоты деревянной шпилькой, кожа бледная, взгляд опущен. Она помнила донесения Цин Инь: Цинь Лу семнадцать лет. Но по сравнению с пятнадцатилетним Чэнь Жанем, у которого было еще совсем детское лицо, она казалась какой-то слишком нежной.

Нежной?

Сюй Тяньцзяо тут же вспомнила Мэйшэна из заднего двора. Если говорить о «нежности» в мужчине, то только такие, как он, подходили под это описание.

Сюй Тяньцзяо долго молчала. Ци Хао махнул рукой, ответив за неё:

— Можете не кланяться.

Цинь Лу промолчала, а Чэнь Жань послушно ответил:

— Благодарю принцессу, благодарю Фуму.

— Командующий Шэн, это те, кого ты выбрал? — Сюй Тяньцзяо приподняла бровь. Один — «неженка», другой — ребенок. Как она может довериться таким?

— Да, — ответил Шэн Цин. — Если принцесса сомневается, можно испытать их способности.

Сюй Тяньцзяо неопределенно кивнула.

Шэн Цин хлопнул в ладоши, и в зал вошла группа стражников. Испытание предполагало реальный бой. Чэнь Жань, увидев крепких, как скалы, стражников, инстинктивно отступил за спину Цинь Лу.

За эти дни Цинь Лу во всем помогала ему и защищала, и сейчас, столкнувшись с опасностью, он первым делом искал её защиты.

Цинь Лу бросила на него успокаивающий взгляд.

Ничего, твоя физическая подготовка уже на уровне.

Я научила тебя всему, что знала.

Тебе нечего их бояться.

Чэнь Жаню показалось, что брат Цинь Лу именно это и сказал. Точно, он ведь теперь даже

может победить самого Цинь Лу, так чего ему бояться этих? Чэнь Жань глубоко вздохнул и крепче сжал кулаки.

Стражники пришли по приказу Шэн Цина: принцесса выбирает двоих личных телохранителей.

Это означало, что они будут по очереди сопровождать Сюй Тяньцзяо и должны появляться по первому её зову. Работа тяжелая, но почетная — их статус и будущее будут куда выше, чем у обычных стражников резиденции.

Это место было завидным карьерным шансом.

Все присутствующие были элитой и считали, что ничем не хуже этих двоих. Один — сопляк, другой — «неженка» по блату. Они давно были им не по душе.

Все горели желанием показать себя, победить выскочек и заодно потешить собственное самолюбие.

Десять стражников разделились на две группы по пять человек.

Крупный мужчина с грубыми чертами лица вышел вперед, держа в руках меч. Он швырнул его в сторону Цинь Лу и сказал:

— Ты бери меч, а я буду биться кулаками!

Цинь Лу уверенно поймала меч, но сила броска была такой, что рука отозвалась болью. Она крепко сжала рукоять и ответила холодным тоном:

— Раз ты дерешься кулаками, как я могу воспользоваться преимуществом? Буду биться так же.

Она передала меч Чэнь Жаню.

<http://bllate.org/book/21777/2252015>